

Ян Е опустил широкий рукав халата и слабо улыбнулся Лин Шу. На его лице ещё поблескивали следы недавних слёз. Стоя один на крыльце, а другой внизу, они некоторое время молча смотрели друг на друга.

— Хорошо здесь? — наконец тихо спросил Ян Е.

Лин Шу долго молчал, словно не зная, что ответить. Лишь спустя несколько мгновений он медленно проронил:

— Терпимо.

— То-то и оно, — горько усмехнулся Ян Е. — Инсценировал смерть, сбежал в эту глушь наслаждаться покоем и обо мне даже не вспоминал. Раз тут так хорошо, может, и мне остаться? Позволишь?

— Нет. Возвращайся назад, — покачал головой Лин Шу.

Подождав немного и видя, что Ян Е по-прежнему стоит не шевелясь, он внезапно развернулся, ушёл в дом и с глухим стуком захлопнул за собой дверь. Больше он не показывался.

Ян Е порывисто сделал несколько шагов следом, но тут же опомнился и застыл на месте. Лицо Лин Шу перед тем, как он скрылся за дверью, было мертвенно-бледным, а во взгляде промелькнул едва заметный страх. От этого зрелища сердце сжалось. В груди бушевал вихрь противоречивых чувств. Ян Е твёрдо пообещал себе: отныне он будет терпелив, мягок и нежен с ним. Если раньше не умел — научится.

Смирив порыв, он остался стоять на месте.

«Я не стану тебя пугать, — подумал он. — Буду ждать, пока ты сам не выйдешь. Раз уж я вытерпел столько мук, неужели не выстою ещё немного? Терпения мне хватит».

Сумерки в горах сгущались стремительно. Ян Е заворожённо смотрел, как угасает день, как опускается непроглядная ночная тьма, а затем небо на востоке вновь начинает едва заметно светлеть. День сменялся ночью, ночь переходила в утро. Снег шёл слабый, но непрерывный, укрывая горы белым саваном.

Постепенно Ян Е превратился в живое снежное изваяние.

Наконец послышался скрип полозьев: по заснеженной дороге, покачиваясь, катилась дряхлая повозка. Это приехал Сяо Шаньцзы. Остановив лошадь, паренёк спрыгнул на землю. На телеге громыхали пустые кувшины из-под вина, а рядом стояла корзина с провизией для Лин Шу. Вдруг юноша заметил белую фигуру и удивлённо пробормотал под нос:

— И кто только слепил этого снеговика? До чего ладный вышел... Неужто брат Лин постарался?

Снежная фигура внезапно шевельнулась. С плеч и головы посыпались белые хлопья, и перед обомлевшим пареньком предстал живой человек. Сяо Шаньцзы испуганно отпрянул:

— Ты... ты... живой?! Погоди-ка... Разве не ты вчера в трактире дорогу спрашивал? Точно, это ты! Ох пресвятые предки, и впрямь ты!

Ян Е через силу заставил окоченевшие губы растянуться в улыбке:

— Разумеется, я. Видишь ли, я законная супруга твоего брата Лина. Он на меня обиделся и сбежал из дома. Вот мне и пришлось, позабыв о гордости, переодеться в женское платье — то есть, тьфу, в мужское... Нет, наоборот, нарядиться мужчиной и пуститься на поиски. А он, неблагодарный, разлюбил меня и теперь знать не желает. Скажи, как быть с таким ветреником?

Сяо Шаньцзы робко отступил ещё на пару шагов, украдкой разглядывая незнакомца. Тонкие изящные брови и глубокие тёмные глаза Ян Е действительно придавали ему сходство с благородной девой, решившей примерить мужской наряд. Разве что ростом он выдался чересчур высок — под стать самому Лин Шу. Паренёк в нерешительности почесал затылок:

— Так ты и вправду к нему... Раз ты его супруга, я могу спросить у брата Лина, не передумал ли он. Но ничего не обещаю. Характер у него суровый, если что решит — ни за что не отступится. И всё же я попробую.

— Вот и славно. Спасибо тебе, — кивнул Ян Е.

Сяо Шаньцзы завёл повозку во двор и поспешил к дому.

Лин Шу неподвижно стоял у окна, погружённый в безрадостные думы. Аккуратно застеленная постель выдавала то, что он не сомкнул глаз всю ночь. При появлении паренька на его осунувшемся лице отразилась внезапная тревога, и он вновь побледнел.

— Скажи, когда ты поднимался в горы, не заметил ли внизу кого-нибудь чужого?

— Чужого? Да нет, только одного странного господина, — ответил Сяо Шаньцзы. — Утверждает, будто он твоя сбежавшая супруга. Стоит на улице под снегом и наотрез отказывается уходить.

Лин Шу до боли закусил нижнюю губу.

— Не слушай его вздор. Никакая он мне не жена. Он... он мой злейший враг, явившийся за моей головой.

Паренёк так и подпрыгнул на месте:

— Враг?! Вот беда, я же сам вчера указал ему дорогу! Если отец с матерью узнают — ноги мне переломают! — Он отлично ориентировался в доме, поэтому мгновенно метнулся к двери, вытащил из-за неё тяжёлую охотничью рогатину и воинственно округлил глаза: — Брат Лин, не беспокойся! Сам заварил кашу — сам и расхлебаю. Сейчас я его мигом отважу!

Лин Шу поспешно схватил его за рукав, не позволяя сделать и шагу:

— Стой! Тебе с ним не справиться. Я боюсь другого: как бы за ним не шли его люди. Если они ворвутся сюда, пострадают невинные. Пока он один, они не посмеют действовать опрометчиво, но что будет дальше — одному небу известно. Похоже, нам придётся спешно собираться и бежать. Спускайся немедленно к матушке Се, вели ей укладывать вещи. Берите только самое необходимое, остальное бросайте.

Сяо Шаньцзы никогда прежде не видел этого человека в таком смятении. Напуганный его видом, он поспешил заверить:

— Да нет же, на дороге ни души! Только наши, деревенские, бродят туда-сюда, даже чужой собаки в округе не видать. Брат Лин, чего ты так страшишься? Не нужно бояться!

Лин Шу замер, переваривая услышанное, а затем бессильно опустился на край кровати.

— Никого нет? Совсем никого? — прошептал он. — Если так, то хорошо... Значит, просто не обращай на него внимания. Стоит ему померзнуть день-другой, как спесь сойдёт, и он сам уберётся восвояси.

Сяо Шаньцзы растерянно смотрел на него.

— Грузи вино и уезжай, — тихим, но непреклонным тоном велел Лин Шу. — И помни: даже не смотри в его сторону.

Чтобы не спугнуть беглеца, Ян Е безропотно ждал на улице. Время шло, но Сяо Шаньцзы всё не показывался — очевидно, уговоры не увенчались успехом. Наконец паренёк вышел на крыльцо. Стараясь не встречаться с Ян Е взглядом, он торопливо обошёл его стороной и направился к амбарам. Сначала он занёс внутрь пустые кувшины, а затем принялся один за другим перетаскивать на телегу полные глиняные сосуды с вином.

Провозившись так добрую половину дня, юноша уселся на козлы и приготовился трогаться. Проезжая мимо стоявшего неподвижно Ян Е, он, будучи по природе своей добрым и

простодушным, не выдержал. Чувствуя неловкость, он придержал лошадь и несвязно пробормотал:

— Господин... Брат Лин строго-настрого запретил мне с тобой разговаривать. Прости, я ничего не могу сделать. Может... может, ты сам попробуешь войти и поговорить с ним?

Ян Е лишь тихо, беззлобно рассмеялся:

— Ничего страшного, спасибо тебе. Мы знакомы слишком много лет, я изучил его нрав вдоль и поперёк. Ничего иного я и не ждал. Что ж, наберусь терпения.

Горы вновь окутали сумерки. Белый безмолвный снег продолжал падать на унылые лесистые склоны. Дрожа от пронизывающего холода, Ян Е тихо вздохнул.

«Я преодолел тысячи ли ради тебя, а ты даже шагу навстречу сделать не желаешь, — с горечью подумал он. — Неужели твоё сердце действительно высечено из камня? Какая поразительная жестокость».

На следующий день Сяо Шаньцзы снова приехал за очередной партией вина и принёс обед для Лин Шу. Увидев, что Ян Е всё так же непоколебимо стоит на прежнем месте, паренёк посмотрел на него с нескрываемым благоговением. Столь великая преданность и готовность терпеть любые лишения ради любимого тронули его юную душу до глубины сердца. Он робко подошёл ближе и тихо спросил:

— Тебе совсем не холодно?

— Одежда тёплая... не мёрзну, — выжимая из себя слабую улыбку, прошептал Ян Е. Голос его, ослабленный голодом и стужей, звучал едва слышно.

Паренёк огляделся по сторонам и, достав из корзины два завернутых в листья рисовых колобка, торопливо протянул их замерзающему гостю. Тот поспешно принял угощение, а юноша заговорщицки шепнул:

— Только когда вы помиритесь, не выдавай меня, ладно? Я его жутко боюсь. Брат Лин строго запретил приближаться к тебе. Сказал, если мы не станем обращать на тебя внимания, ты не выдержишь тягот и сам уйдёшь.

— Я понимаю. Спасибо, — поблагодарил Ян Е, бережно сжимая тёплый рис.

А про себя в сердцах выругался: «Паршивец эдакий! Сколько ночей мы провели в одной постели, а теперь корчит из себя неприступного отшельника! Чёрта с два я уйду, посмотрим, на сколько тебя хватит!»

Сяо Шаньцзы по-взрослому вздохнул и, проникшись сочувствием к его жалкому виду, добавил:

— Ну правда же, ты совсем окоченел. Раз брат Лин заперся в комнате, поднимись хотя бы на крыльцо, укрыться от снегопада. Гляди, замедает совсем.

Силы Ян Е действительно были на исходе.

— Пожалуй, ты прав... — прошептал он и попытался сделать шаг, но заокоченевшие ноги не послушались. Из груди вырвался хриплый, бессильный смешок: — Вот только сдвинуться с места не могу.

— Держись за меня, — паренёк подставил плечо и помог ему дойти до крытого настила перед домом. Каждое движение давалось Ян Е с невероятным трудом. Напрочь позабыв о приличиях, он бессильно опустился прямо на деревянный пол галереи. Сяо Шаньцзы бережно снял с его головы засыпанное снегом бамбуковое доули.

— Шаньцзы... найдётся ли у тебя немного вина? — попросил Ян Е.

— Сейчас принесу, подожди, — кивнул юноша.

Поскольку здесь располагалась винокурня, пусть и временно затихшая на зиму, раздобыть спиртное не составило труда. Вскоре паренёк вернулся с наполненной до краёв тыквой-горлянкой. Похоже, его страх перед Лин Шу не был слепым послушанием — скорее, то было глубокое, искреннее уважение.

Вскоре повозка скрылась за поворотом, унося Сяо Шаньцзы обратно к подножию горы. Ян Е остался сидеть под навесом, делая небольшие глотки из горлянки. Крепкое вино обожгло горло, и по телу наконец разлилось спасительное тепло. Он огляделся. Дом стоял на высоком каменном фундаменте и был добротнo сложен из брёвен и кирпича. Просторная галерея вела к пристройкам винокурни — это жилище разительно отличалось от убогих крестьянских лачуг. Ян Е прислушался к звукам, доносившимся из-за запертой двери, но там царила мёртвая тишина, будто в доме никто не жил.

Обессиленный Ян Е прислонился спиной к стене и уронил голову на колени. Спустя несколько минут сознание заволокла тяжёлая пелена, и он провалился в глубокое забытие.

Разбудил его зычный, пронзительный голос матушки Се:

— О боги милосердные! Да он же весь горит! Не ровен час, богу душу отдаст на таком морозе! А-Шу, ну что ты за бессердечный малый! Какая бы размолвка между вами ни вышла, разве можно родную душу оставлять замерзать на пороге? Живо впусти его в дом!

Кое-как разомкнув веки, Ян Е мутным взглядом посмотрел на женщину. Всё тело невыносимо

ломило, голова казалась налитой свинцом. Кто-то набросил ему на плечи тяжёлый поношенный ватник — должно быть, дядюшки Се. Прежде чем он успел опомниться, Сяо Шаньцзы подхватил его под руки, а напористая матушка Се бесцеремонно втокнула их обоих в приоткрытую дверь, сунув следом корзину с едой.

В комнате было натоплено, жаром веяло от тёплых стен. Лин Шу, собиравшийся лишь забрать корзину и запереться, был вынужден отступить назад. Хмурясь, он молча наблюдал, как паренёк волочёт гостя внутрь. Сяо Шаньцзы под этим тяжёлым взглядом совсем оробел и попытался боком проскользнуть мимо хозяина.

— Шаньцзы,пусти... я сам, — пробормотал сквозь зубы Ян Е.

Слабо отстранив юношу, он устремил затуманенный взор на широкую постель у южного окна. Кое-как доковыляв до неё, он из последних сил сбросил промокший плащ и сапоги из вороной кожи, после чего без сил рухнул на матрас. Натянув одеяло до самого подбородка, он затих, не желая шевелиться.

Лин Шу подошёл ближе и холодно произнёс:

— Это моя постель.

— Мне плевать! — глухо донеслось из-под одеяла. Ян Е накрылся с головой и мгновенно провалился в сон.

Время потеряло счёт. Сквозь зыбкую пелену беспмятства Ян Е почудилось, будто чьи-то прохладные пальцы осторожно сжали его запястье, проверяя пульс. Позже комнату наполнил густой, терпкий аромат целебных трав. Когда сознание немного прояснилось, он услышал совсем рядом тихий, вкрадчивый голос Лин Шу:

— Поднимайся. Нужно выпить отвар.

Этот голос прозвучал для него слаще небесной музыки. Ян Е попытался приподняться, но в глазах мгновенно потемнело, и он со стоном откинулся назад. Лин Шу со вздохом бережно приобнял его за плечи, помогая сесть, и поднёс к его губам пиалу. Ян Е послушно, глоток за глотком, выпил горькое лекарство. Не желая упускать столь редкую возможность, он всем телом прильнул к широкой груди Лин Шу. Родной, успокаивающий стук сердца отозвался в душе щемящей нежностью. Ян Е обвил руками его тонкую талию и прошептал:

— Лин Шу... я болен. Ты ведь не выставишь меня на мороз?

Тот промолчал. Ян Е чувствовал лишь мерное вздымание его груди, не в силах разгадать, какие думы одолевают его молчаливого спутника. Спустя долгое мгновение Лин Шу негромко произнёс:

— Спи.

Он осторожно уложил больного обратно на подушки, укутал тёплым одеялом и бесшумно отошёл к столу.

Прошло два дня. Регулярный приём горьких отваров трижды в день сотворил чудо. На исходе вторых суток Ян Е пришёл в себя. Лоб его покрыла испарина, но бывшая слабость отступила, оставив разум кристально чистым. Он медленно повернул голову. Комнату заливал мягкий полумрак, рассеиваемый лишь колеблющимся пламенем свечи. Лин Шу сидел за столом, сосредоточенно изучая потрёпанную гроссбухскую книгу — должно быть, запутанные расчёты таверны «Провожающей Весны». Рядом на столе, тускло поблёскивая в неверном свете, покоился знаменитый меч Чжэньбин.

Ян Е долго, не мигая, созерцал этот до боли знакомый силуэт. Почувствовав на себе пристальный взгляд, Лин Шу даже не поднял головы от записей. Его холодный, безучастный голос прозвучал в тишине:

— Раз тебе полегчало, уходи.

Ян Е с укоризной натянул одеяло повыше:

— Вовсе мне не полегчало. Я всё ещё тяжело болен. И никуда не пойду.

В комнате вновь повисло гнетущее молчание. Лишь когда свеча оплыла наполовину, Лин Шу тихо, с затаённой печалью произнёс:

— Твоё упорство бессмысленно. Я с таким трудом обрёл здесь покой... Не хочу новых потрясений и не желаю подвергать опасности невинных людей. К тому же над моей головой горит одинокая звезда Небесного Демона. И пусть сейчас беда обходит нас стороной, рано или поздно моё проклятие настигнет и тебя.

Он наконец обернулся к Ян Е. От бывшего надменного хладнокровия не осталось и следа — во взгляде его сквозила лишь бездонная, щемящая тоска.

— Возвращайся, Ян Е. Теперь ты великий князь империи Да Янь, наделённый безграничной властью и богатством. Это захолустье не для тебя.

Его тихая речь походила на бред уставшего путника. Но Ян Е пропустил эти доводы мимо ушей. Превозмогая слабость в ватных ногах, он медленно поднялся с постели и подошёл к столу. Опустив руку за пазуху, он извлёк тонкую золотую цепочку. На ней покачивался великолепный кулон из алого нефрита с тонкими прожилками, напоминающими золотые нити. Камень испускал мягкое, завораживающее сияние, выдавая редчайшую драгоценность.

— Кое-что у меня есть для тебя, — тихо произнёс он.

Лин Шу растерянно перевёл взгляд на камень. Ян Е нежно улыбнулся и, опустившись перед ним на одно колено, мягко взял его за руку. Разжав холодные пальцы Лин Шу, он бережно вложил в его ладонь алый нефрит.

— Это нефрит из золотых нитей и красного бамбука. Его привезли из далёкого островного государства Дунъин, в Срединной равнине подобной редкости не сыскать. Говорят, этот камень способен усмирить злой рок и отвести беду, обратив несчастья в благословения. Он защитит и тебя, и тех, кто рядом. Лин Шу...

Ян Е замолчал на мгновение, преданно глядя снизу вверх в любимые глаза.

— Что люди зовут счастливой судьбой, а что — проклятием? В глазах толпы я баловень судьбы, облечённый величием. Но если тот, кого я люблю всем сердцем, бежит на край света, обрекая меня на вечное одиночество в Чанъане, разве это счастье? Мне плевать на твою Одинокую звезду Небесного Демона. Я не верю в сказки о дурных предзнаменованиях, но ради твоего спокойствия я обыскал весь мир и добыл этот оберег. Прими его, у тебя нет права отказаться. Ты дорог мне. Я хочу провести с тобой остаток дней. Я твердил тебе это сотни раз... Неужели ты до сих пор так ничего и не понял?

<http://bllate.org/book/19546/1998870>